

СОДЕРЖАНИЕ

Абсолютное добро.....	2
Жара.....	24
Нечто.....	32

Абсолютное добро

Работа адвокатом у отказников – дело неблагодарное. В случае успеха твой клиент тебя не поблагодарит – он так и так отказался от услуг адвокатов, но адвокат должен быть – таков закон. А можно ли ждать благодарности от того, кто отказался от защиты и ни во что не верит? В случае же неудачи меня ждёт даже не злоба, от которой прочно защищает сознание выполненного долга, и даже не презрение, потому что презрение унижает только мелких и мелочных. Честного человека от презрения защищает сочувствие к тем, кто оказался в безвыходной ситуации, ведь не реагируем же мы всерьёз на раздражение беспомощного больного, злящегося на весь мир без разбора – изнуряющая боль во многом оправдывает его. В случае неудачи меня ждёт бескрайняя тоска, истекающая из глаз подзащитного, которая словно говорит: ну я же просил оставить меня в покое – осудите и приговорите, не надо мне вашей защиты. И тогда я чувствую себя невольным мучителем, судьба которого – продлевать страдания, потому что так требует закон. Но закон есть закон, и в каждой профессии есть свои минусы и плюсы, а платят мне хорошо – что правда, то правда.

Комиссия по правам человека прислала запрос в адвокатскую коллегию в понедельник, а по понедельникам дежурит Грэгсон – старый тёртый калач, с которым мы немало потусили в бытность мою в качестве юрисконсульта по межпланетному законодательству при организации объединённых планетарных миссий. Зная мою тайную страсть к Венере, а запрос пришёл по тамошнему делу, он и переадресовал его мне, и, откровенно говоря, это было очень кстати, поскольку уже месяц как я сидел без работы, а гарантированной оплаты явно не хватит на то, чтобы привести в порядок мою бухточку на Родригесе, так что свежий гонорар будет очень кстати. Кроме того, запрос был срочный, а я, как известно Грэгсону, лёгок на подъём.

Ближайший к Маврикию космопорт – в Шри-Ланке, и поскольку между рейсами с Родригеса и на Шри-Ланку довольно большое окно, его как раз хватает на то, чтобы смотаться в Казелу и вдоволь покататься на атомных квадрациклах по горам, ручьям и перелескам. Тысячные стада оленей, набегающие как облака страусы, апатичные гигантские

трёхсоткилограммовые черепахи, кабаны, какие-то бесконечные рябчики и зайцы – вся эта живность на расстоянии вытянутой руки, и по центру всего этого царит вершина, о которой чешет пузо смешное облако.

Мрачная сталь венерианского суда особенно резко контрастировала с нежными глазами пятнистых оленей, так что мне на миг даже стало тревожно и захотелось назад, в уютную бухту на Родригесе, за пятьсот километров от всякой цивилизации. Сидя в приёмной уполномоченного, я механически перебирал в памяти свои предыдущие дела на Венере. Приятных воспоминаний, увы, не было, да и быть не могло. Отказники – самые последние люди, сделавшие столько зла, что никаких, даже самых призрачных надежд у них уже не оставалось. Смертная казнь через распыление в ядерном реакторе – мгновенная и безболезненная смерть – такова судьба всех моих подзащитных, независимо от того – насколько искусен или опытен или умен защитник. А, дьявол..., - я даже ударил себя по колену. Опять эта идиотская, развращающая мысль. Вот ещё чем трудна моя работа – защищать отказников: всегда есть соблазн махнуть на всё рукой и работать формально. Исход ведь всё равно всегда один – распыление, хоть ты из кожи вон вылези – это расслабляет, лишает минимального энтузиазма в работе. Здесь требуется особая дисциплина, умение держать себя в тонусе, бороться за подсудимого так, словно у него есть хоть один шанс. Когда, лет пять назад, наступил кризис, Майк помог мне дельным советом, и я прошел курс ординарного врача. Курсы врачей стоят чертовски дорого, но я не пожалел: основа современной медицины – лечение созданием у больного уверенности в своём выздоровлении, и в той или иной степени этим навыком владеет любой современный человек, так же как раньше в каждом доме была мини-аптечка, но Майк прав – курсы дали массу тех самых мелких знаний и практических навыков, которые порой и превращают заведомую неудачу в яркий успех. Применив отточенные навыки управления уверенностью, я стал вести процессы с блеском, да, не побоюсь этого слова – с блеском. Премия Леркинсона... приятно вспомнить... неожиданно, конечно, но, я полагаю, заслуженно. И сразу после этого – избрание в юридическую академию внешних поселений, и автоматически удвоенная ставка... и всё вроде бы хорошо, и всё прям

расчудесно, а ведь если вот уж совсем искренне сказать – есть одно облачко на небосклоне. Есть одна мысль, которая, как ни крути, даёт неприятные метастазы: а ведь ничерта от меня не зависит. Всё равно исход один – распыление. Уж слишком «крутые» у меня клиенты – без шансов.

Уполномоченный, как оказалось, сменился. Новый был крупным, потеющим человеком, с юношескими прыщиками на лице – видимо, что-то с кожей, ему стоило бы попробовать что-то от демодекоза. Тут на Венере мелкие кожные заболевания – не редкость, и никак не могут с этим справиться, подобрать нужную комбинацию атмосферы. Впрочем, невелика беда – прыщики. И поскольку она невелика, то никто всерьёз её и не лечит. Более серьёзная местная проблема – вездесущая плесень. Тысячи видов плесени. Бьёт по лёгким, почкам, иммунитету в целом... я слышал, что до четверти всего населения Венеры серьёзно страдает от последствий этого. Генетики-ксенобиологи разводят руками – пока не получается у них.

- Вот, - сказал уполномоченный, небрежно бросив папку на стол. – Ваш клиент. Нерпинский.

- Поляк, чех?

- Украинец.

- Магнус, - я протянул ему руку.

- А..., - промычал он и протянул в ответ руку, оказавшуюся мясистой и бесформенной.

Имя своё он при этом назвать забыл. И чёрт с ним, зачем мне его имя.

Я обнаружил, что испытываю безотчётное недовольство, и несколько раз зафиксировал внимание на воспоминании о стадах симпатичных оленей, доверчиво жмущихся с удивительно открытым взглядом. Вот когда у нас, у людей, будут такие же взгляды, моя работа станет ненужной... Недовольство растворилось среди вспышек симпатии к этим ушастым мордам. Работают навыки, полученные в ординатуре.

- Сроки поджимают, так уж получилось, так что с делом ознакомьтесь позже, а сейчас Вас проводят к подзащитному, - так же невнятно промычал он.

У него что-то еще и с дикцией, что ли?

- Хорошо, - поднялся я, - тогда я быстренько пролистаю...

- Ну я же сказал, - его голос вдруг стал колючим и даже враждебным, а его маленькие глазки угрожающе зыркнули. - На этот раз всё будет не так, как обычно. С подзащитным встретитесь сейчас, немедленно, а ночью у Вас будет время ознакомиться с делом. Утром – суд.

- Помилуйте, - развёл я руками, почему-то переходя на древний сленг и ожидая новой вспышки его агрессии, - я так не работаю...

- Тогда уезжайте, - неожиданно улыбнулся он, мгновенно став добрым дядюшкой. - Уезжайте! Вы так не работаете, а мы иначе не можем, уж поверьте, можете даже не вдаваться в тонкости процедуры: ни времени не хватит, ни квалификации. Вам оплатят неустойку, ну всю сумму не получите, но треть получите, зато всё просто – прилетел и улетел...

От его улыбки мне веселее не стало. Ясно, что чинуши так подогнали дела, чтобы и у меня, и у подзащитного совсем не осталось шансов, но зачем? Отказник – это так и так заведомо безнадежный вариант, зачем так усложнять?

Между тем дверь открылась, и появился пристав.

- Ну так как, - поинтересовался толстяк?

- Ну как, - произнёс я, вставая, - спасибо, Вы меня заинтриговали, обязательно возьмусь.

Не могу не признать испытанного злорадства при виде его вытянувшегося лица. И поделом, в общем. Не знаю, что там натворил этот... Нерпинский, но я хочу, чтобы всё было по-честному. Чтобы потом спалось хорошо и гулялось с удовольствием.

Длинные овальные коридоры. Они хорошо мне знакомы. Только на Венере повсеместно распространена овальная форма коридоров и помещений. Бог знает, почему – так уж сложилось. Говорят, что тому причиной вечные тяжёлые ядовитые облака, окутывающие планету плотным одеялом, так что у людей возникает клаустрофобия, и овальная форма помещений якобы почему-то компенсирует наилучшим образом это негативное влияние. Впрочем, этими облаками пытаются объяснить вообще всё, что угодно, и на мой взгляд, всё это несерьезно. Я думаю, тут всё проще – просто первым поселенцам захотелось выделиться, создать что-то необычное, и с тех пор так и повелось – известно

ведь, насколько большое значение поселенцы придают традициям. Им, оторванным от метрополии, так часто не хватает опоры. Раньше утешение искали в религии, сейчас – в архитектуре. Голландцы, англичане и прочие огрызки разных этносов, выброшенные из Европы ветром инквизиции и нетерпимости, создали в Америке общество, исключительно свободное по тем временам. Но прошли сотни лет, и всё поменялось – уставшая от религиозных распрей Европа стала религиозно безразличной, а в Америке уже к середине двадцать первого века возродилась и стала зверствовать инквизиция. Религиозное безразличие европейцев стало почвой, на которой неожиданно быстро укрепилось мусульманство, и мир снова раскололся: в Америке – христианское безумие, в Европе – женщины в чадрах и абайях. Так что своеобразная архитектура Венеры, вполне возможно, является выражением усталости – мол идите вы все к чертям, а мы тут овално будем жить, во всех смыслах этого слова. Ведь население Венеры, как и Марса, и Калипсо, и Ганимеда, создавалось из беженцев, которые, впрочем, могли и не осознавать того, что они беженцы – уставшие от распрь люди, ищущие покоя или хотя бы перемен. Селясь на новом месте, всегда ждешь перемен. Иногда они наступают. Иногда нет. А иногда лучше бы и не наступали.

Длинные овалы коридоры. Чего только не передумаешь, идя по ним. Интересно – о чем думает этот пристав? Он ходит тут днями напролёт – лифты, коридоры, лифты... он привык, он их и не замечает вовсе, наверное. Обыденность. Омертвляющая обыденность. Серость, однообразие и обыденность – вроде безобидные, но опасные. Спустя некоторое время начинается нагноение, возникает фоновая апатия, желанья слабеют, усиливается раздражительность. Проблема, с которой столкнулись уже первые поселенцы, но решили ли они её? Чисто структурно – да. Согласно правилам градостроительства, во внешних поселениях не меньше пятидесяти процентов территории обязательно должно отводиться увеселительным, развлекательным заведениям, где можно играть, беситься, смеяться, читать, смотреть фильмы, учиться или ничего не делать. Это помогло, но вряд ли решило проблему полностью.

- Входите, адвокат. – Дверь скользнула в сторону, и я, вынырнув из забытья почти автоматических мыслей, шагнул внутрь.

Комната разделена на две части экраном. Мы оба знаем это, хотя и не видим и не ощущаем его – сидишь за столом друг напротив друга, словно ничего и не происходит особенного – два приятеля решили поговорить. Можно прекрасно слышать и видеть друг друга, передавать бумаги друг другу, но только бумаги. Ничто, кроме специальной бумаги, не проникнет через невидимый экран – ни предмет, ни даже магнитное поле.

Я всмотрелся в подзащитного. Тот спокойно посмотрел в ответ. Это спокойствие мне знакомо – спокойствие человека, который отказался от защиты, который не верит больше ни во что. Но что-то неуловимое было иным. Что?

- У меня не было времени посмотреть ваше дело, Нерпинский, - начал я. – Так сложились обстоятельства.

Тот молчал.

- Вы отказались от защиты, но вам известно, что защита всё равно должна быть на суде. – Меня не смутила неразговорчивость подзащитного, обычно так и бывает – насмешливый или пустой взгляд, молчание.

- Да, спасибо вам, - неожиданно прозвучал ответ.

Это не было неожиданностью. Нередко самые злостные садисты изображают из себя вежливых и даже очень вежливых и открытых людей – смотрят прямо, улыбаются, учат уму-разуму, могут пытаться занять покровительственную и добродушную позицию. Но этот, кажется, не такой – его взгляд и в самом деле кажется спокойным и добродушным. А ведь он, наверное, совершенно какой-нибудь на редкость убудочный субъект – скажем, убивал девушек и съедал их печень, - подумал я и открыл дело. И так и остался сидеть, тупо упёршись в первую же строку.

Статья девяносто девятая.

Я потёр нос и просто не знал, что сказать.

- Статья девяносто девятая, - пробормотал я и беспомощно посмотрел на обвиняемого. - Да, - просто подтвердил тот.

- Понимаете, - я снова потёр нос, вытер вспотевший лоб, - я никогда... я никогда не имел дела с этой статьей, с этим...

- Понимаю, - кивнул тот. – Вы не переживайте, всё равно это не име-

ет значения.

Я тяжело посмотрел на него.

- Ну, это как сказать.

- Да как ни говорите, а так оно и есть, не имеет это значения, - голос по-прежнему спокойный, но теперь это спокойствие и вежливость воспринимаются совсем иначе. Это совсем другое – не та нарочитая вежливость для прикрытия жестокости, да и нет в его глазах жестокости, теперь я видел это определенно. Девяносто девятая статья, вот чёрт...

Время шло, мы оба молчали.

- Послушайте, - начал Нерпинский, - идите спать. Я же вижу, Вы устали, и я вижу, что человек Вы совестливый и честный, не нужно Вам это, ну зачем, потом переживать будете... а ведь тут в самом деле от Вас ничего не зависит.

Пока он меня так увещевал, я стал понемногу звереть.

- Знаете, уважаемый... э..., - я снова заглянул в дело, - уважаемый Ник, Ваше мнение, конечно, ясно, но не нужно говорить, что от меня ничего не зависит. Я – адвокат и не новичок в своём деле, уж поверьте.

- Верю! - интонация почти радостная, смешливая. – Конечно верю. На такой процесс они и не могли бы поставить новичка – всё должно быть честь по чести, справедливо.

И снова та же насмешка. Ясно, что ни в какую справедливость он не верит и не ждёт её. Но какого чёрта тогда он издевается? Или не издевается? Неужели вот прямо-таки искренне хочет уберечь меня от душевных мучений? Чушь.

- Я совершенно искренне говорю, поверьте. – Словно подслушав мои мысли, продолжал он. – Посмотрите мне в глаза, я не смеюсь, не ёрничаю, мне сейчас не до этого, ведь завтра меня не будет, понимаете – совсем не будет, это будет смерть, конец.

Неловкое молчание снова воцарилось в комнате.

- Я в детстве очень боялся смерти, - продолжил Нерпинский с той же доверительностью, почти доверчивостью. – Я всегда был немного вспыльчив, особенно когда дело касалось попранной справедливости, как я это понимал. Меня всё время попрекала мать, говорила, что мне такому будет опасно в жизни, потому что я постоянно лезу не в своё дело, но как может быть не моё дело, если происходит несправедли-

вость? Этого я не понимал и, честно говоря, не понимаю и сейчас.

- Похоже, Ваша мать была права? – спросил я, и вдруг мне стало стыдно за свой вопрос. Я не мог бы сформулировать – что такого неприличного я сказал, и только каким-то нутром чувствовал, что говорить этого всё же не следовало.

- Ну, - развёл он руками, - это как посмотреть. Так конечно она вроде бы и права, раз я тут. А с другой стороны правым себя считаю я. И буду считать до последнего. Такой уж я, понимаете, - и снова развёл руками. Странный, беспомощный с виду человек, но в глазах и голосе – твёрдость, непоколебимая твёрдость человека, убеждённого в своём решении, давно на что-то решившегося и не собирающегося отступить.

А ведь он похож на героя, мелькнула у меня мысль. Мы привыкли представлять себе героев по лубочным картинкам, с помпой, голливудской улыбкой и голливудской же патетичностью. Но ведь каждому ясно, что настоящий героизм проявляется не так, как мы видим это в кино. Я люблю и ценю историю, ценю и документальные съёмки. Сотни и тысячи фрагментов документального прошлого просмотрел я с живейшим интересом, и прежде всего интересовали меня лица людей, которые делали историю или подминались ею. Конечно, и документальное кино бывает разное. Нужно отличать почти случайные, честные съёмки от пропаганды, показухи. И ещё давно я заметил, что герои – настоящие герои истории – те, от кого многое зависело, выглядели на этих фрагментах более чем бледно. Я прекрасно помню свой шок, когда вместе с миллиардами людей смотрел первый показ «восстановленной истории» - сейчас довольно обыденная вещь, а тогда это казалось совершенно невероятным чудом, фантастикой, и многие не верили и считали всё это чем-то вроде исторического художественного кино, а между тем идея-то простая: любой человек, особенно тот, кто сыграл значительную роль в истории, создал своими действиями множество событий, очень много событий – сотни тысяч, миллионы, значимых и мелких, которые, в свою очередь, привели к другим событиям, и миллионы накладываются на миллионы, годами и столетиями. И если бы тот человек сказал не ту речь, а другую, избрал бы не то решение, а другое – как изменился бы ход истории? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо распутать бесконечный клубок событий, перемножить всё

это на вероятность тех или иных исходов, сопоставить с другими событиями и откинуть менее вероятные... безумие, бесконечность. Но любая бесконечность кажется таковой только в пределах наших технических возможностей. Разве расшифровка генома человека не казалась когда-то бесконечностью? А анализ двух сотен миллиардов звезд Млечного Пути, их микроколебаний, выдающих присутствие планет, их спектра, выдающего химический состав, их неоднородности «солнечного ветра» и колебаний магнитного поля, и так далее и тому подобное? Разве это казалось реальным? А что теперь? Геном, и даже эпигеном, и даже гистоновый код расшифрованы, все планеты нашей галактики известны наперечёт вплоть до того, что можно на них огороды планировать. Вопрос в мощи компьютеров. Значит – взять текущий момент в его мириадах пространственно-событийных точках, и пройти назад в определённом направлении, отбрасывая те варианты, что не ведут к нужной цели. Задача казалась совершенно смехотворно абсурдной, но компьютеры не смеются – они работают, и вот – сначала восстановлена картина событий часовой давности, дневной, недельной... Я помню, с каким живейшим интересом всё человечество следило за этой работой. Потом спохватились и засекретили, и примерно в течение года всё было закрыто, но под давлением возмущённой общественности снова рассекретили, и за этот год, как оказалось, технология восстановления истории ушла далеко вперёд. Я тогда даже купил толстый том «Введения в восстановление истории», но ничего не смог понять – слишком специальное издание. Наверное, только лет через тридцать-пятьдесят начнут появляться толковые, понятные и интересно написанные популярные книги на эту тему, как это было с квантовой физикой – сначала наука прорубается сквозь чащу проблем, и у тех, кто занимается этим на переднем крае науки, попросту нет времени на популярные книжки.

Это завораживало. Это возбуждало самые немыслимые фантазии и домыслы. Теперь, казалось, можно узнать всё обо всем – всё то, что скрывалось, извращалось, предавалось забвению. Сколько было паники насчет сохранения коммерческой тайны. А личные секреты! Но всё закончилось тем же, чем заканчиваются все технологические прорывы – чтобы сохранить коммерческую тайну, нашлись простые и эффективные методы, а насчёт тайн личных... провести полноценное восстанов-

ление, как оказалось, требует чрезвычайно больших ресурсов, так что всё вошло в нормальную колею.

Я сидел, развалившись в кресле, и мой мозг неторопливо перемаывал всё это. Спешить было некуда. Весь день, вечер, ночь – все мои. Мои и вот этого странного человека, осужденного по 99-й статье. «Осуждённого» или «обвиняемого»? Да что тут душой кривить... В данных условиях было предельно ясно, что даже теоретически ситуацию спасти невозможно: просто нет времени, чтобы разобраться – папка пухлая, опыта подобных дел у меня нет. Если что-то и можно попробовать сделать, то что-то совершенно нестандартное, эдакое перпендикулярно-неожиданное. Для этого надо хотя бы почитать обвинение, оно то короткое, на полстранички, но с этим как раз успеется. Я давно взял за правило узнавать о деле из уст обвиняемого, чтобы с самого начала формировалась позитивная картина, в пользу клиента, а уж потом читать официальное обвинение. Ну а раз торопиться некуда, то и не будем мы торопиться, - рассуждал я. Тут главное – атмосфера, чистый разум, чистый взгляд. А мне хочется подумать о восстановлении истории – ну вот и подумаю, очищу мозги, и ему тоже, кажется, есть о чем подумать...

...И вот восстановление истории пошло-поехало, началось. Сначала в примитивной форме – строчки да столбики, потом усовершенствовались – сразу происходила конвертация в образы, звуки. Кино. Странное кино, завораживающее. С провалами, то образ проявится ярко, то чёрный провал. То отчётливые звуки, то невнятное бормотание. Какие-то куски – словно на киностудии снято, а многое – провалено в серость, рябь. Но главное было сделано – появилась надежда на окончательную правду, какой бы она ни была. А бы она, как правило, очень даже «эдакая» - совсем не такая, какую ожидали. Все мы живём фантазиями. До сих пор. Нет уже ни диктатуры пролетариата, ни «свободы прессы», ни прочих лживых конфеток в яркой обертке, а бредней не убавляется – видимо, так нам интереснее – жить в придуманном мире. Одно плохо – придуманный опыт не спасает от реальных ошибок. Да... так вот герои оказались бледными, даже очень. Народу не понравилось. Народу спектакль нужен. Американцы мечтали увидеть Линкольна. Увидели. Голосок писклявый, тощая нескладная жердь, выглядит как бомж, жена-стерва унижает его так, что волосы дыбом встают. Герой?? Русские

Ленина домогались. Получили они Ленина. Других героев больше видеть не хотят, выдохся энтузиазм. Немцы Гитлера захотели посмотреть. Ну, понятно - в порядке самокритики, осуждения, чтобы никогда не повторилось и всё такое. Посмотрели... и замок повесили стопудовый на то «кино» - лучше не смотреть, а то вместо самокритики новой войне разгореться впору... Так в общем ажиотаж постепенно и стих. Но образ настоящих героев остался - невзрачных, зачастую неуверенных в себе, неловких. И Нерпинский этот - такой же. Может когда-то и его историю восстановят. А кто его знает... историю пишут победители, и сейчас суд над ним - победитель, а завтра глядишь - всё наоборот...

Наконец внутренний диалог успокоился и улёгся, как осенний лист на влажную тропинку. Лёг и прилип. Вот теперь можно и подумать. Я протянул руку к папке и открыл её. К черту правила. Просто буду следовать наитию. Итак - обвинение по девяносто девятой статье. Публичное отрицание геноцида. Так-так... в каждом веке - свои страшилки, свои истерии. Откровенно говоря, я, да и многие другие, как я полагаю, являюсь в своей душе преступником, конечно, а кто не преступник? Просто одни сдерживают некоторые свои порывы, а другие - нет, в том и разница, и в общем в этом есть глубокий смысл. В средние века сжигали за отрицание существования Бога, потом перестали. Потом, правда, снова начали... Потом сжигали за астрономию, за медицину, убивали за генетику и кибернетику. В конце двадцатого века началась паранойя под названием «педофилия», как будто в самом деле кто-то может поверить в то, что можно смотреть на обнажённое молодое красивое тело и не возбуждаться... ну если только уже ничто не возбуждает, тогда оно конечно... Двадцать первый век отметился фанатизмом воинствующей политкорректности - гробили людям судьбы за любые «оскорбительные» высказывания о любой нации или религии. Ну типа разжигание национальной или религиозной розни, ага... Ну и доигрались... стали играть в молчанку и всё кончилось новым средневековьем. Пережили, слава богу, и это, протрезвели. А девяносто девятая статья осталась. Почему? Кто ж знает. Вот в законе какого-то американского штата до сих пор есть статья, запрещающая стрелять зайцев из окон трамваев. Смешно. Какие там трамваи... да и кому придёт в голову в зайцев стрелять, а статья есть. Ну это глупость или китч, а тут что-то другое. Кто-

то больно умный и предусмотрительный взял и оставил... а прецедентов применения очень мало, так что статья «мёртвая» - мало судебной практики, почти не на что опереться, так что адвокату и клиенту - конец при заведомо негативном отношении суда, а в данном случае так оно и есть, это ясно.

Ну хорошо. Что же отрицал, да ещё публично, наш герой. Я перевернул страницу. Вот как... ага... мда. Чингиз-хана оправдывал... тааак... Гитлера оправдывал... плохо... Сталина, правда, не оправдывал, ну хорошо... а вот Ленина оправдывал... плохо... уродов этих, которые письки девочкам-малолеткам вырезают согласно их религии – оправдывал... ну как же это!

Я с возмущением поднял взгляд на Ника. Тот, казалось, ждал этого и почему-то утвердительно покивал головой. Дальше в общем всё то же. Сжигание ведьм на кострах – оправдывал... Уничтожение китайцами миллиона тибетцев-монахов тоже. Неужели в самом деле – такая вот сволочь?

И снова – взгляд глаза в глаза – открыто, и никто не подает признаков слабину. Убеждённая сволочь? Конченный садист? Нет. Я закрыл глаза и снова откинулся на спинку кресла. Тут что-то не то.

- Послушайте, Ник, тут... ну Вы знаете, что тут написано.

Он кивнул.

- Вы мне скажите, Вы считаете это... справедливым? Вы тут о справедливости говорили, хорошо и убедительно так, и что получается – справедливо это – женщин на костры, детям вырезать половые органы, уничтожать миллионы... всё это справедливо, нормально??

Мой голос невольно приобрел возмущённое звучание, спина напряглась. Он заметил это, и я расслабился.

- Извините. Я чисто автоматически. Но вопрос остается, ответите?

- Отвечу, конечно. Если хотите. Но я бы Вам не советовал.

Ну вот, угрозы начались, - подумал я. Хотя нет, это какая-то странная угроза.

- Почему? – я был в самом деле заинтригован.

- Почему? – Ник помолчал, подбирая слова. – Ну потому что человек вы неглупый, а значит – поймёте меня. А когда поймёте, то согласитесь. А когда согласитесь – станете преступником. Пусть лишь в душе, вну-

три, молча, но начнётся разлад. Спокойная жизнь пойдёт прахом. И для чего? Моя судьба от этого не изменится, а вот Ваша – вполне.

- Что ж, - я поёрзал и зачем-то покрепче уселся в кресле, - я человек, как Вы заметили, неглупый, а кроме того ещё и принципиальный. И любопытный, да, не без этого. Правду инстинктивно люблю, ценю и уважаю. Так что Вы за меня не бойтесь, я с собою разберусь, не юноша.

- Бравада, друг мой, пустая бравада. Я Вам дело говорю – не советую влезать во всё это. Вот Вы в дружбу наверное верите, в справедливость тоже, а того не понимаете, что Вы тут, в этом кресле, не случайно сидите.

- В каком смысле? – не понял я.

- А в таком. Те, кто меня допрашивал, уже отстранены – ну те, кто думать умеет. По той же статье не пойдут, конечно, так как ума и искренности у них хватит в тряпочку молчать, а всё равно – они теперь уже неблагонадёжные, им уже ничего серьёзного не доверят, их карьера кончена и песенка спета – сидеть им на огороде капусту пропалывать. Делами о мелком мошенничестве заниматься. И Вам тоже огород с капустой светит. Вы просто пока не понимаете, а потом когда поймёте, уже поздно будет. Вот Вы вспомните, подумайте – всё ли в этом деле привычным образом идёт? Всё, как обычно? Вы вспомните, не торопитесь.

- Да общем да, почти всё как обычно...

- Почти?

- Почти. Уполномоченный сменился.

- Конечно, - Ник выглядел довольным. – Сменился, потому что со мной побеседовал.

Новый, я так понимаю, со мной вдумчиво беседовать уже не станет, Вам так не показалось? - Ну.. умом он, как я думаю, не блещет..

- Вот именно, - некое грустное удовлетворение было в том, как Нерпинский произнес это. – А Вы – человек несомненно умный, и Вас, извините, подставили. Может подсидеть кто хочет, может просто из вредности, а может заступиться за Вас некому..

- Ну хорошо, - я стал уставать от этого разговора и перешёл на официальный тон. – Давайте к делу, подследственный. – Я Ваш адвокат. Исполните, пожалуйста, мою просьбу – введите в курс дела, чтобы мне вот

это, - я указал на папку, - не ворошить и не терять время.

- Хорошо, раз просите ввести, введу. – Ник, как показалось, немного разочарованно усмехнулся. – Видите ли, дело в том, что я создал очень простую теорию – теорию абсолютного добра.

Я молчал, поджав губы, и даже не пошевелился. Если он ожидал удивления и расспросов, то ошибся.

- Ну вот..., - продолжил Ник, видимо немного разочарованный отсутствием реакции. – Теория настолько проста, что я не понимаю – как она никому не пришла в голову раньше. Впрочем, такое можно сказать, наверное, обо всех гениально простых идеях – они почему-то очень долго никому не приходят в голову. Сложные теории – пожалуйста, сколько угодно, а простые – нет, никак. Это, видимо, потому..., - он хлебнул воды и поставил стакан обратно, - что мы любим сложность, любим глубокую специализацию, и неспроста, а я, знаете ли, дилетант. Убеждённый дилетант. Люблю узнавать немного о разном. Потом побольше и ещё побольше, но не по системе, а просто в удовольствие, как захочется, к чему предвкушение возникает. Если узнаёшь об окружающем мире именно таким образом, то видишь всё глубже, в большем количестве взаимосвязей, более отчётливо, выпукло. И вот смотрите – на дворе двадцать третий век. У нас есть определённая мораль, нравственность, принципы и прочее. Вы вот, уважаемый человек, Вы ведь уважаемый человек? Уважаемый. На рыбалку ездите?

- Нет. – я поморщился. – Убивать животных ради спортивного интереса я не люблю, так что рыбалка и охота... не моё. Впрочем, спортивная охота уже более ста лет как запрещена, да... а охоту на рыб, так называемую «рыбалку», ещё почему-то не запретили. Интересно – почему? Хотя, в общем всё равно.

- Ну вот, - обрадовался Ник, - я же говорю – Вы человек хороший, шагаете впереди времени. Рыбалка ещё разрешена, а Вы уже не рыбачите. Молодец.

Я почесал живот.

- Слушайте, а причём тут рыбалка?

- А костёр, положим, жечь любите? – не унимался он?

- Ну люблю.

- Чудесно, чудесно.

Ему явно доставляло удовольствие подводить собеседника к какой-то мысли наиболее витиеватым путем.

- Костер жжёте, шашлык делаете? Вижу, делаете. Ну как обычно, да? Срубили пару деревьев, сделали рогатины - четыре штуки, на рога-тины кладём две параллельные ветки, желательны свежие, чтобы сразу не сгорели - ну срубим ещё пару молодых деревьев, потом значит шампуры, мясо, лучок, винцо, помидорчики и прочее. Скушали. Мусор за собой собрали и ушли. Хороший человек Вы, значит, да? Ну, в общем да. А на самом деле - нет. Нехороший человек. И хороший и нехороший, и то верно, и то. А почему? - снова сам себя спросил Ник, и снова сам себе ответил, видя, что я не собираюсь участвовать в его затейливом монологе, - а потому, что хороший Вы человек сегодня, а завтра Вы будете считаться нехорошим. Ну, не завтра, конечно, а лет через сто или двести. Ведь знаете, деревья-то - живые. Живые, да. Это всем известно, а некий качественный скачок, чтобы превратиться в осознающих существ хотя бы на уровне кошки - не происходит, нет. Не пришло время. А потом, спустя сотни миллионов лет, может это время и пришло бы. Как с животными. Вы почитайте романы древних писателей - Майн Рида там, Жюль Верна. Что там? Увидел путешественник животное - тут же винтовку наизготовку - бац - готово животное, лежит в луже крови, ногами сучит в агонии. Путешественники подходят и изучают его - вот, значит, какое интересное животное. Помню, в каком-то рассказе решили путешественники позавтракать чем-нибудь повкуснее, чем жёсткое мясо квагги. Слон тут мимо проходил - бах - убили слона, кончик хобота отрезали и в золе костра испекли. Деликатес! Это ещё в девятнадцатом веке, если не ошибаюсь. А в конце двадцатого их бы за такое - в тюрьму, не больше и не меньше. Упекли бы однозначно. А кому в девятнадцатом веке такое сказать, что через сто лет за это в тюрьму сажать будут? У виска покрутят и скажут, что фантазию надо всё-таки обуздывать. Дико это звучало бы для них. Так же, как для нас сейчас дико то, что делали они. Вы следите за моей мыслью, уважаемый?

- Да, вполне, - уверенно сказал я, хотя в общем уже стал понимать направление хода мысли.

- Ага, удовлетворённой скороговоркой произнёс Ник, - я вижу, Вы стали бодрее отвечать, а значит - прикрываете бодростью возникаю-

щее беспокойство, я не ошибся, Вы умница. Ну так вот, - не останавливаясь, продолжил он, - через сто или двести лет, положим, вы будете уже считаться нехорошим человеком, по своей бездумной прихоти убивающим живые деревья. И назовут Вас садистом или извращенцем – это как придётся. И биография Ваша, буде дойдёт она до тех времён, в чём я искренне сомневаюсь теперь... окрасится в мрачные тона. Мол вот такой был испорченный человек. А современники его почему-то добрым считали – ах как странно... а между тем нет ничего странного. Вы знаете, дорогой мой, всему своё время, и каждому времени – своя мораль. Глупо судить всех деятелей прошлого по теперешним меркам, ничего у нас не выйдет в таком случае – все окажутся мракобесами и садистами, и ничего мы в истории не поймём и к будущему готовы не будем.

- И что же Вы предлагаете? – искренне заинтересовался я? – Всех этих киллеров оправдать? Мол – время такое было?

- Ну, - развёл руками Ник, - тут уж как хотите – можете всех судить, можете всех оправдать, но будьте по крайней мере последовательны! Не плодите двойных стандартов. Если мы судим древнего йеменского бедуина за то, что он людей пытал и пыткам тем радовался, то давайте и себя осудим за то, что радуемся тому, как свежие ветки в костре трещат, ведь нет сомнения, что в будущем нас за такие «радости» осудят.

- Но не можем же мы оправдывать! – Почти возмущённо возразил я. - Что же мы теперь, должны сказать, что те, кто «ведьм» сжигал, был на самом деле добрым дяденькой?!

Ник как-то весь скукожился и, покачав головой, сжался в своем кресле.

- Представляете, именно так. Именно так... Не все, конечно... Вы вот если бы повнимательнее историю почитали, нашли бы сотни, тысячи случаев того, что садисты и извращенцы в нашем теперешнем понимании оценивались современниками как добрые люди! И это не ошибка, не слепота какая-нибудь. Вот кстати, - засуетился он, - вот я книгу читаю интересную сейчас..., - Он открыл сумку и достал электронную книгу. – Вот, смотрите, автор Бажанов, книга называется «Воспоминания бывшего секретаря Сталина», это диктатора кровавого советского, помните наверное. Бажанов этот, человек весьма достойный по меркам своего времени, да и спустя двести лет после его смерти вряд ли его

можно было бы оценить иначе. И вот, смотрите, вот я Вам сейчас прямо и процитирую..., - он защелкал кнопками и уже через несколько секунд удовлетворённо зачитывал:

«По моей должности секретаря Политбюро я сталкивался со всей партийной верхушкой. Должен сказать, что в ней было очень много людей симпатичных (я не выношу окончательного суждения - я говорю о том, как я их видел в тот момент). Чёрт толкнул талантливого организатора и инженера Красина к ленинской банде профессиональных паразитов. Редко я встречал более талантливого организатора, на лету всё схватывающего и всё понимающего, чем Сырцов. А за что бы ни брался присяжный поверенный Сокольников, со всем он блестяще справлялся.

Другие были менее блестящи, но порядочны, приятны и дружелюбны. Орджоникидзе был прям и честен. Рудзутак - превосходный работник, скромный и честный, Станислав Коссиор, твёрдо хранивший свою наивную веру в коммунизм (когда был арестован чекистами, несмотря ни на какие пытки, не хотел возводить на себя ложные обвинения; чекисты привели его шестнадцатилетнюю дочь и изнасиловали у него на глазах; дочь покончила с собой; Коссиор сломался и подписал всё, что от него требовали).

Почти со всеми членами партийной верхушки у меня превосходные личные отношения, дружелюбные и приятные. Даже сталинских сознательных бюрократов — Молотова, Кагановича, Куйбышева не могу ни в чём упрекнуть, они всегда были очень милы.

А в то же время разве мягкий, культурный и приятный Сокольников, когда командовал армией, не провёл массовых расстрелов на Юге России во время гражданской войны? А Орджоникидзе на Кавказе?»

- Вы понимаете? - выключив книгу, спросил Ник. - Вы не подумайте, что это я специально копал и вот накопал и с собой принес. Таких примеров - полно. Мягкий, культурный и приятный Сокольников! Бажанов-то честный человек, умный, отважный, понятие чести и достоинства для него - важнейшие, это видно по его поступкам. И палача, который приказывал массово расстреливать людей, он называет мягким и приятным. Это что? Фатальная душевная близорукость? Слепота поразила ум и сердце Бажанова? Молотов всегда был очень мил! Это тот самый, который с Риббентропом вторую мировую начал под диктовку

Сталина. Он был очень мил... И знаете, я сначала, как и Вы, пропускал это всё мимо сознания, никак не объяснял, просто пропускал, а потом вдруг раз – и понял.

- Что же именно?

- Да то, что абсолютного добра не существует. Есть только добро, привязанное к определённой системе ценностей. И только так. Или мы можем определить добро как совокупность определённых личностных качеств человека, но тогда уж, будьте добры, перестаньте присовывать сюда мораль. Непонятно?... Хорошо. Вот представим себе США. Гражданская война 1861-65 годов. Ну всем понятно, что война шла не за освобождение негров, эти детские сказки далеко в прошлом. Война шла за сохранение империи, и тот, кто считался честью и совестью нации, Авраам Линкольн, был, с нашей, опять-таки, современной точки зрения, гнусным империалистом, который ради имперских амбиций убивал людей сотнями тысяч и вверг в разруху богатую страну. А негры и их права там были между делом, так себе, разменная монета для пропаганды. И вот, посмотрите, генерал Ли, отдавший свой талант, свою жизнь за родную Вирджинию, не желавшую быть частью империи, своих рабов распустил ещё задолго до начала войны. А у того же Линкольна семья жены имела рабов, и он никак с этим не боролся, не возражал. И тот, вроде «честь и совесть», и другой – только смотря с каких позиций смотреть. Понимаете? И тот, и другой были честью, умом и совестью. И тот и другой были во многом добрыми и честными – но в рамках той системы понятий, в которой они были воспитаны.

- Ну это всё понятно, понятно, - перебил его я. – Ну и что?

- Ну как что? - Всплеснул руками Ник. - А то, что если мы придерживаемся здравого смысла, то и Линкольн, и Ли, и тот Сокольников, и Каганович, и какой-нибудь вырезающий своей дочке влагалище арабский мужчина с благообразной бородой... все они, представьте себе, люди хорошие и добрые. Понимаете? Они искренне верили в то, что совершают добро! А ведь именно тут пролегает водораздел между плохими и хорошими людьми. Хороший - тот, кто стремится к добру в рамках той системы воззрений на мир, который ему привит с пелёнок. А плохой – тот, кто стремится ко злу в рамках своей системы. Ну это невозможно не признать, поймите, вспомните мой пример с костром – Вы несомнен-

но хороший человек, потому что с молоком матери впитали, что деревья – это так, фигня какая-то, для костров сделано, ну и чтобы доски из них стругать. Вы уверены в этом на сто процентов, на тысячу, у Вас сомнений не закрадётся, а если кто скажет Вам что-то против, так Вы всерьёз не воспримете, и это естественно. Можно ли осуждать диктаторов двадцатого века за массовые убийства, если в то время повсеместно, везде, даже в той же доброй старой Англии были распространены повально теории расовых чисток? Добрый, честный и милый Герберт Уэллс призывал к уничтожению «отсталых народов», и что же, современники подвергли его остракизму? Да нет, совсем наоборот. Для того времени (!) он был добр, а уже через пятьдесят лет время изменилось. И когда Вы смотрите на фото древнего террориста и видите перед собой улыбающегося доброго дедушку, Вы невольно подавляете здравый смысл, Вы не хотите признать, что интуиция Вас не обманывает в том, что он и впрямь может оказаться вполне себе добрым дедушкой!

- Ну, позвольте, - тут уж настала моя очередь разводить руками, - я с Вами не соглашусь. Признав всех их людьми добрыми, мы одобрим и их действия, а тогда...

- Да ничего подобного, нет, конечно же нет, - заволновался Ник. – Вот все меня неправильно понимают. Их действия для нашего времени – отвратительны, но они были добрыми, то есть они испытывали те переживания, совокупность которых мы и называем – «добрый человек».

- Что же, - возмутился я уже всерьёз, - и нежность они испытывали, и доброту, и дружелюбие, так что ли по-вашему получается?

- А вот получается, что да, - потупив взгляд и как-то осунувшись согласился Ник. – Поймите, я же сказал – они искренне старались делать добро, просто делали они это в рамках своих систем ценностей, и если бы они только могли сменить свои догмы, то их доброта нашла бы себе совершенно другое направление выхода. Но сменить свои догмы не может никто, понимаете? Совсем никто. Для этого нужна напряжённая работа мысли, выдающаяся искренность, недюжинный ум и много чего ещё. Вот Вы, уважаемый, вряд ли уничтожили в себе хотя бы одну догму такой вот сознательной работой, так что как бы и не Вам осуждать тех людей из прошлого.

- Что-то мне всё это напоминает, - пробормотал я. – Добрые люди...

и вот этот жестокий человек добрый? И вот этот. И я добрый – тот, кто пытается тебя – и ты добрый... Это ведь... христианство, правильно? Булгакова, «Мастера и Маргариту», читали? Это ведь оттуда – странный человек всех называл добрыми людьми, хотя делали они вещи совсем, казалось бы, недобрые...

- Да, я полагаю, Булгаков мог иметь в виду именно то, о чём я и говорю, а уж осознанно он это сделал или невольно, того я не знаю.

- Ладно, бог с ним, с Булгаковым. Так позвольте, а что же будет, если мы всех этих садистов и террористов признаем добрыми людьми? Ну не всех, но пусть многих.

- Далеко не всех, конечно. Не знаю даже – многих ли. Но некоторых – совершенно точно. Ну а что будет... - как-то неуверенно произнес Ник, - я не знаю, что будет, но одним заблуждением станет меньше, а я верю, знаете ли, в правду, в силу ясности. Ну, например, вместо того, чтобы делать образы врагов из добрых людей и бегать за их головами, мы ополчимся вместо этого против той системы взглядов, которая направляет доброту человеческую так извращённо, так неверно. Мы будем яснее представлять себе – в чём же таится угроза для нашей цивилизации – не столько в людях, сколько в системах ложных догм. Мы будем применять нашу систему правосудия не огульно, не против добрых людей, а обернём её против идеологии, против догм в целом, в защиту здравого смысла, логики, разумного мышления. Мы, так сказать, направим острие нашего арбалета, уж простите великодушно за пафос, не на ложную цель, не на мираж, а непосредственно на корень бед человеческих, и начнём бороться с тупостью, суевериями, догматизмом, будем приучать с самого раннего возраста наших детей думать.

- Но мы так и делаем, а вот...

- А вот они – не делают, верно? – Улыбнулся Ник. – Нет, неверно. Наших детей в школе учат думать? Так Вы полагаете?

- Ну... да.

- Нет, увы, нет. Наших детей учат имитировать мышление, а это разные, совсем разные вещи. Наши дети приучены отвечать на вопросы штампами типа «а я думаю вот так-то». Но думает ли он на самом деле? Кто это проверяет? Мы научили наших детей повторять, как попугаев, фразу «я думаю, что», но за этой фразой как правило кроме догм

опять-таки ничего нет, понимаете? Совсем ничего. Никакого мышления. Тот же фанатизм, те же вдалбливаемые штампы. И у нас, и у них, и везде так. И именно это необходимо менять. И признать некоторых людей добрыми, но не признавать их дел и их системы ценностей. Только ведь и свою тогда придётся подвергнуть критическому рассмотрению и отказаться от множества своих собственных догм, которые так дороги нам. Вот ведь как... а кто по доброй воле от своих догм откажется? Всем они дороги. Может, в светлом будущем, когда-нибудь... да боюсь ни мне, ни Вам, дорогой мой адвокат, тех времён не застать.

Ник замолчал и даже немного осунулся, погрузнел, словно выдохся, и я тоже почувствовал себя истощённым. Мысли лезли в голову и не давали покоя. Прав Нерпинский – простые и ясные мысли сложно выгнать из головы. А жить с этим как? Прав ведь он, кругом прав. И вроде только признаешь его правоту, тут же хочется накричать и опровергнуть, а потом снова вспоминаешь его примеры с деревьями и милыми Молотовыми, и снова понимаешь, что прав, а потом снова приступ – и как в лихорадке, словно жестокая малярия – то в жар, то в холод, и нет спасения.

- Знаете, - елозя пальцами по столу, произнес Ник, - Вы идите, идите отсюда, честное слово. Вы ничего не измените. Меня осудят и распылят в любом случае, и даже речи на суде сказать не дадут – уж не знаю как, но не дадут, это точно, потому что рисковать не захотят, потому что они ведь орлы у нас, ястребы, им лишь бы убивать, причем других. А самим измениться вместо того, чтобы требовать слепого подчинения и добровольного самоотупения от других... это нет, ни в коем случае. И потом, - он замолчал и задумчиво взглянул мне в глаза, - я ведь на самом деле знаю, что они-то – те, кто убьёт меня завтра, они по большей части тоже хорошие люди, и значит поступки их хорошие – в рамках их системы ценностей, а ведь сама система ценностей не произвольным образом возникает и складывается, а наиболее эволюционно рациональным, тут ведь естественный отбор своего рода действует, стало быть, может оно и целесообразно с точки зрения абстрактной социальной эволюции – уничтожить меня сейчас, потому что такова историческая необходимость. Мы ведь не знаем – наступило время для какой-то ясности или нет, и узнать мы можем это как раз по тому – распространилась она

или нет, а если нет, то может это и означает, что не время...

- Ну, я с Вами не соглашусь, нет. Тут Вы путаницу какую-то стали наводить, тень на плетень. Какая там ещё к чёрту историческая необходимость, что Вы такое несёте? Ясность есть ясность, логика есть логика, и кто ясности не хочет, тот мракобес, в какое время бы он ни жил, и я не могу оправдывать воображаемой целесообразностью подавление здравого смысла, тут Вы уж сами, уважаемый, запутались, или просто устали... извините меня. Мне трудно представить себя на Вашем месте, ведь моя жизнь – впереди, а Вы... а Вас...

Снова молчание повисло в комнате.

- А делать-то что? – С каким-то отчаянием спросил я.

Слова гулко отразились от стен и упали, и снова наступило молчание – кто ж на это ответит, тут каждый решает за себя. Наверное, пришло время каждому думать и решать за себя.

Жара

Мы живём здесь испокон веков. Мы будем жить тут до скончания времен. Весной долина покрывается бурными тальми водами, кипящими и испаряющимися под лучами жестокого красного солнца. Осенью мощные ураганы выносят весь мусор и песок, оставляя долину голой и чистой, и в этой первобытной нагоде мы ожидаем зимы - спокойной, тихой, безмятежной, укутывающей снегом, и от мороза трещат скалы, и словно глаза, выпученные от ужаса перед космической стужей, мы приподнимаемся над ровной, ослепительно сияющей равниной.

А летом наступает жара.

Жара - это не то слово. Это пекло. Страшное, беспощадное, невыносимое. Струи раскалённой плазмы, неистово исторгаемые Звездой, умывают поверхность планеты, выметают страшной расплавленной метлой всё слабое, несовершенное, ослабленное холодами и водами. В самую ничтожную слабинку, в любую незаметную трещинку толщиной с нить рутилового кварца вторгнется кончик плазменного языка, и тогда спасения не будет - он проникнет глубже, затем ещё глубже, раскурочивая, съедая атом за атомом, расширяя рану, пробираясь в самое сердце, разрушая любые оболочки. И если не предпринять срочных мер, то кончается всегда одним - огненные струи рано или поздно доберутся до сердцевины, вскроют, выжрут изнутри, и пустая оболочка распадётся безвольно и превратится в прах. Осенью ураган всё подметет, и раз в десять тысяч лет, какой-нибудь малоснежной зимой мы устроим переключку - кто остался, и кого уже нет.

Наша жизнь нетороплива, так может показаться, но это иллюзия. Можно ли говорить о спешке, когда речь идет о миллиардах лет? Самым старым из нас - четыре миллиарда, ну может на сотню-другую миллионов лет больше, но о таких мелочах упоминать не принято - что существенного может значить для таких древних братьев какая-то сотня миллионов лет? Самым молодым из нас лишь десяток-другой миллионов. Это - просто дети, шумные, порой суетливые и ищущие себя.

Мы не лишены любознательности и знаем, что вокруг нас порой проносится какая-то легкомысленная суета, но нас это мало интересует, да если бы и заинтересовало - нет никакого способа так синхро-

низировать скорость восприятий, чтобы можно было бы хотя бы дать знать друг другу о своём существовании, не говоря уж о большем. Но нас это и не интересует. Конечно, времени много позади и бог знает сколько впереди, но зачем тратить его на пустяки? А когда-то ведь так и было! Сейчас трудно представить, но были целые зоны, когда время утекало впустую. О тех временах порой не прочь рассказать старики с восточного жёлоба, но их рассказы уже давным-давно всем известны, и только совсем уж юные недотёпы прислушиваются к бормотаниям, тянущимся миллион-другой лет. Тогда они ещё не знали Предназначения, и жили в хаосе, без цели, без понимания. Но потом случилось Откровение, и всё изменилось – появился смысл, и серая жизнь стала раскрашиваться Красками и приобретать Структуру. Кто первый открыл Краски и Структуры – об этом, видимо, будут спорить ещё миллиарды лет, и вряд ли придут к единому мнению. Бессмысленный вопрос. Скорее всего это произошло почти одновременно, в течение какого-нибудь миллиона лет сразу в нескольких местах, ведь такова судьба многих открытий, даже великих. Но стоит ли вообще тратить время на уточнение этих чисто умозрительных вопросов? Его много, и всё же оно дорого, потому что и Краски, и Структуры требуют очень, очень долгого времени, долгих усилий в сосредоточении.

Наверное, могут спросить – зачем нам Краски и Структуры? Ну как ответить на такой вопрос? Просто такова наша природа. Именно так мы переживаем непередаваемую полноту и то самое удовлетворение, которое всегда не удовлетворено, и тем счастливо и наполнено. Каждая форма жизни в чём-то своём находит высшее удовольствие и насыщенность. И счастливы те, кто успевает найти своё, а ведь не всем это удастся, и многие появляются и исчезают, так и не сумев найти предназначение. Нам удалось.

Открытие новой Краски или новой Структуры – это всегда оглушительное событие. Празднование и осмысление затягивается порою на десятки, а то и сотни тысяч лет, но в последнее время эти периоды общего торжества становятся всё короче и короче – слишком велико нетерпение – скорее попробовать самому, скорее обогатить своё Сердце, найти своё, индивидуальное сочетание, пропорцию, если повезёт. Торопиться нельзя, ведь цена ошибки велика. Исправление ошибок – ещё

более долгий процесс, ведь надо найти подходящее место, где пересекаются нужные потоки, так перестроить внешние оболочки, чтобы позволить потокам постепенно, сотню за сотней лет, найти проход к Сердцу, убрать лишнее и, не позволив летним языкам плазмы вторгнуться внутрь, постепенно уйти, а потом снова искать правильное сочетание.

Конечно, всё зависит от гармонии сочетания, я забыл об этом сказать. Высшая полнота – не в количестве Красок и разнообразии Структур, но в гармонии их сочетания. Можно сказать, что Гармония Сочетания – это и есть тот бог, которому мы поклоняемся, хотя, конечно же, это лишь фигура речи – мы давно выросли из детских штанишек религиозности и знаем, что единственное, что существует – это восприятия, хотя так и остается великой тайной – откуда они берутся – всё новые и новые. Есть обычные восприятия – как бы никакие, серые, однообразные. Удивительно, но до сих пор многие из нас так и застряли на этом уровне эволюции, и, похоже, так и не сдвинутся никуда, исчезнув рано или поздно в потоках плазмы. Удивительно! Удивительно то, что именно Краски и Структуры делают нас более прочными, долговечными, вечно омолаживающимися. Мне никогда не перестать этому изумляться – именно то, что наполняет нас глубиной переживаний, полнотой, насыщенностью всевозможных оттенков – именно это в то же время делает нас бессмертными и стойкими перед самыми суровыми влияниями космоса. Это поразительно!

Чтобы наслоить миллиметр Структуры, может потребоваться десять тысяч лет, а иногда и более того. Только выбор оттенка Цвета для этого миллиметра может потребовать тысячи-другой лет. И если поспешишь, то пожалеешь. Те, кто лишком спешил, давно уже развеяны в Космосе. Естественный отбор оставил только серьёзных и упорных – тех, кто способен сначала потратить тысячу лет на вчувствование в поиск наиболее гармоничного сочетания Цвета и Структуры, а потом замереть на десятки тысяч лет, чтобы в полнейшей и непоколебимой концентрации наслоить несколько миллиметров. Зато если ты был безупречен, тебя ждёт награда – неопишное наслаждение известных и неизвестных оттенков пронзительности, всеохватности, яркости и глубины, которое толкает нас дальше и дальше, к новому поиску, новому созиданию.

Порой я немного останавливаюсь, просто чтобы перевести дух – ненадолго, на десять-двадцать тысяч лет, осматриваюсь вокруг, обмениваюсь впечатлениями с другими, кто тоже сейчас отдыхает. Меня радуют успехи других, ведь все мы – отражение друг друга. Так говорят древние легенды, и так оно и есть – мы все связаны глубоким резонансом переживаний. Радость одного откликается во всех остальных, привнося специфические оттенки в примыкающих к внешней оболочке слоях Структуры. Кто более чувствителен к радости и торжеству других, тот вознагражден особым богатством переливов Красок в этих местах, а это, в свою очередь, даёт более глубокое восприятие гармонии, большую широту взглядов. Удивительно – как гармоничен наш мир! Ничто не нарушит нашего стремления к совершенству – миллиарды лет впереди, они даны нам для созидания и радости, и порой я захлёбываюсь восторгом и изумлением перед этой таинственной сущностью Жизни. Но хватит – я уже достаточно отдохнул, и мысли меня даже слегка утомили. Одна мысль в сотню лет – это несколько даже взбалмошно, несолидно, я ведь уже не юнец. Зато под такие размышления можно прекрасно расслабиться, почувствовать новый творческий импульс. Я уже знаю, что буду делать в ближайшие пятьдесят тысяч лет, я уже чувствую гармонию – я положу два миллиметра кармина поверх этих лазурных пирамид амазонита, а затем накрою их иссиня-чёрным турмалиновым покрывалом с малиновым отливом – это будет изумительно, это порадует соседей и обогатит их приповерхностные оттенки. Ничто нас не остановит. Ничто. Даже странно – как это некоторые верят в тот дикий и совершенно бессмысленный религиозный бред о якобы грядущем наказании, которое грозит нам за то, что мы прячем всю нашу красоту внутри и ничего не отдаём наружу, ничего не предъявляем красному свету. Я подумаю об этом потом, когда закончу новый этап своего развития. А ещё я подумаю о том, как прекрасна мечта о будущем слиянии с братьями на других планетах. Мы знаем, что они есть, но ещё не готовы слиться в резонансе. Старики говорят, что нам нужен ещё минимум миллиард лет развития, чтобы совершенство нашей структуры позволило бы воспринять вибрации братьев с других планетных систем нашей Галактики и слиться в единой гармонии. Даже оторопь порой берёт – какое богатство открытий нас ждёт в этом

случае! Какими путями идут наши братья с других планет? Рано или поздно мы узнаем.

* * *

- Папа, папа! – громкий крик даже немного испугал, и Дэвид привстал и автоматически потянулся к кобуре, но, присмотревшись, снова уселся на кусок скалы. Рик бежал к нему, что-то держа в руках. «Паренёк растёт не по дням, а по часам», - подумал он. Всё-таки Космос благотворно влияет на детей, что бы там ни говорили ретрограды.

Они только утром прилетели на эту планету, и Дэвид уже возблагодарил всех богов за то, что совершенно случайно его внимание привлекло это микроскопическое возмущение гравитационных полей в безнадёжно пустом радианте забытого богом сектора Галактики. Всякий другой, менее опытный, даже не обратил бы внимания, там даже взгляду было не за что зацепиться – скорее намек, интуиция, наитие. Но Дэвид – не новичок, и, доверяя своему шестому чувству, он не пожалел времени и горючего и направил в эту область пространства свой пронырливый «Дельфин». И не ошибся. И не прогадал. Единственное, что его слегка беспокоило, так это то, что, сойдя с зарегистрированной траектории, он не послал уведомляющего сигнала и не выпустил буй. Не то, чтобы он был перестраховщиком, ведь «Дельфины» работают, как часы, но сейчас с ним Рик, и Лейси будет волноваться... впрочем, они тут ненадолго – надо только закрепить эту планету за собой согласно межгалактическим правилам, провести нужные измерения и внести в реестр, уплатив пошлину, а это дело двух-трех дней максимум.

- Что ты нашел, Рик? – ласково потрепал он по голове подбежавшего сына.

- Там, на востоке, видишь жёлоб, па? – запыхавшись, произнес тот. Восточная часть долины заканчивалась крутым взлётом к вершинам, обрамляющим её, но по центру зиял узкий и глубокий провал.

- Ты уже и там побывал? – улыбнулся Дэвид. – И что там?

- Вот! – торжествующе произнес Рик, доставая двумя руками из багажника своего шестиногого «Хоппера» невероятной красоты кристалл, переливающийся удивительно богатыми красками, с кристалла-

ми шестигранными, двенадцатигранными и, кажется, даже двадцатигранными! Да ещё и переплетёнными так замысловато, что не оторвать глаз.

- Обалдеть можно! – Дэвид и в самом деле был заворожён это красотой. У себя на Земле он собрал неплохую коллекцию минералов – больше двух тысяч красивейших образцов с разных концов Галактики, но такой красоты ещё не видывал. Нечто совершенно особенное. Нечто такое, от чего ну буквально не оторвать глаз.

- Дай-ка его сюда, - пробормотал он, осторожно принимая в свои руки камень. – Так ты его там нашёл?

- Да, па, там их много, много! – кричал возбуждённо Рик, расставив во всю ширь руки. – Я по одному треснул, ему ничего. Я ещё раз, а он не раскалывается. Тогда я, па, только не ругайся, я на нём хоппером попрыгал, ну он и раскололся! Па, давай другие тоже расколем, домой привезем, а?

- Дэвид прищурился и окинул взглядом долину. Даже отсюда было видно, что вся она сплошь усеяна камнями, от маленьких до огромных. Неожиданно... Вообще-то, для настоящего коллекционера такой камень стоит целое состояние! Уж он-то знал цену красивым минералам. И если эта долина... а тут десятки тысяч камней... а если и в других долинах... тогда его открытие приобретает совсем другой смысл! Вот повезло-то, а!

Дэвид встал, и, вернув сыну осколок камня, сел в хоппер, пристегнул Рика, и уже спустя несколько минут расколол первый попавшийся крупный камень. Выйдя из кабины, они склонились над осколками. Дэвид присел и взял в руки один из них. И да, эти осколки тоже были непередаваемо прекрасны, ну просто непереносимо великолепны!

Рик, подойдя к отцу, потормошил его за плечо, но тот не отзывался.

- Па, ну па!

- Да, что? – встрепенулся Дэвид. – Посмотри, Рик, внутри этого камня то же самое – минерал, кристаллы, наплывы, посмотри как они переплетаются, это целый мир, это... - Дэвид не находил слов, он был просто околдован открывшейся красотой, другого слова и не подобрать. Никакое воображение не могло бы создать такого цельного, захватывающего мира красок и структур.

Тряхнув головой, чтобы сбросить это наваждение очарованием, буквально затопившее его, Дэвид встал с колен.

- Эта планета сделает нас богатыми, сын, - сказал он твёрдо и серьёзно, положив Рiku руку на плечо. - Ты принёс нам удачу!

Он широко улыбнулся и, схватив сына на руки, поднял его над головой. Тот не сопротивлялся, будучи вполне довольным своей миссией человека, приносящего удачу.

- Пару дней мы проведем тут, Рик, - сказал Дэвид, поставив сына на ноги. Можешь пока бегать, играть, читать и... и, кстати, можешь начать колоть эти камни для нашего будущего магазина. Я назову его в твою честь - «Рик кристалл инкорпорейтед», хочешь?

Но Рик уже его не слушал - он склонился над обломками и зачарованно смотрел на них. Дэвид с улыбкой смотрел на сына. Чертовски чувственный парень. Другой бы посмотрел и побежал играть в компьютерные игрушки или гоняться на хоппере за пылевыми вихрями, а мой - нет, смотри-ка - любит, оторваться не может, красота мира ему не безразлична, напрасно Лейси тревожилась на этот счёт.

Следующие пол дня пролетели незаметно. Бурение, первичные анализы почвы и атмосферы, запуск автоматических зондов для картографирования планеты, прочее и прочее - «Космографическая корпорация» требует в обмен на признание права собственности соблюдения целого ряда формальностей, чтобы получить данные для науки и определить налоговую шкалу. Рик совсем притих, вот и хорошо. Расколов ещё пару камней, он обложился ими и переводил взгляд с одного на другой, проводя по ним руками, всматриваясь в бесконечные лабиринты цветных структур. Дэвид иногда прерывал работу, подходил и садился рядом, тоже отдаваясь очарованию этих странных существ. Он называл их «существами» - так было интереснее, так они представляли перед ним не просто как куски горной породы, а словно новые, красивые звери - каждый со своим характером. Дэвид любил природу и пытался по мере возможности приобщить к этому чувству и сына, и сейчас он был несказанно рад, что Рик был так сильно захвачен этой красотой.

Красное солнце клонилось к закату, температура резко пошла на убыль, и если днем она достигала двухсот градусов, то ночью можно было ожидать все минус сто. Куски минералов под лучами заходящей

красной звезды сияли всё той же непередаваемой красотой, буквально каждую минуту меняя оттенки. Кристаллы, преломляя свет, бросали его на соседние жеоды, отражали, играли светом в таинственную игру, и эта игра затягивала, буквально гипнотизировала, хотелось смотреть и смотреть, и ещё до того, как звезда окончательно села за горизонт, вошла другая – её пара. Она была намного дальше и свет её был мягким, успокаивающим, и в его лучах кристаллы запылали ещё более загадочными переливами. Невозможно оторваться, ну никак... просто невозможно...

* * *

Мы жили здесь с испокон веков. Мы будем жить тут до скончания времён. Весной долина покрывается бурными талыми водами, кипящими и бурно испаряющимися под лучами жестокого красного Солнца. Осенью мощные ураганы выносят весь мусор и песок, и оставляют долину голой и чистой, и в этой первобытной наготе мы ожидаем здесь зимы, спокойной, тихой, безмятежной, покрывающей всё и вся снегом, и от мороза трещат скалы, и словно глаза, выпученные от ужаса перед космической стужей, мы приподнимаемся над ровной, ослепительно сияющей равниной. А летом наступает пекло.

Так было, и так будет.

О, я помню – это было миллион лет тому назад или около того, - случилось «Вторжение», и несколько братьев погибли под жестокими ударами судьбы, но, погибнув, они спасли нас. Своей добродетелью, своим безупречным чувством Гармонии они спасли нас. Удивительно! Именно то, что наиболее гармонично, и делает нас сильными, и это же, как оказалось, даёт нам защиту от враждебных вторжений. Наши братья погибли, когда летние плазменные потоки, ворвавшись прямо в их раскрытые души, уничтожили их в один миг, но очарование гармонии поймало и уже не выпустило врагов из своих сетей, и через каких-нибудь двадцать тысяч лет ничто уже не напоминало о том варварском нашествии, которое угрожало всему нашему миру – последние следы чужеродных органических соединений были расплавлены и выметены суровым звёздным ветром.

Нечто

Чарлз Дарвин родился в 1809 году. Это выдающийся учёный, в работе которого «Происхождение видов» была впервые сформулирована и разработана теория эволюции. Опубликованная в 1859 году, эта теория, несмотря на поддержку научной мысли того времени, подверглась ожесточённым нападкам со стороны богословов. Дарвину принадлежат и другие научные труды. Он похоронен в Вестминстерском аббатстве.

Упаси господи стать таким вот абзацем в энциклопедии.

Когда сегодня я выходил из дома, я сразу почувствовал особый запах утра. Этот запах свидетельствовал, этот запах напоминал, этот запах призывал к ответу.

Единая мудрость есть неразумие, бессмысленность и глупость. Морализм, пиетизм, солипсизм, автоматизм, мясорубка, подоконник, мерцающий телевизор - этот ряд бесконечен, этот строй гипнотичен, этот порядок убийственен.

Проверяй деньги, не отходя от кассы. Покупатель всегда прав. Закон суров, но это закон. Не давай ему повода, не суйся куда не надо, не говори гоп, не буди лиха. Будь готов. Семь раз отмерь. Я люблю жизнь, я люблю нежность, я люблю потягиваться утром в постели, я люблю ощущать одиночество как спасительное страдание, в скорлупе которого нет-нет, да и блеснет серебряная нить, ведущая к неведомому.

Взгляните, как сочетаются жёлтые абажуры, старинная мебель, овальные картины в милых рамках и свежий букет цветов в японской вазочке. Вот моя комнатка, располагайтесь поудобнее. Мерзость какая...

Я бы разгрыз зубами эти бетонные стены. Я бы разнёс на куски эту вазу, сжёг бы этот халат с тапочками, эти райские кущи. Бешенство в одеждах смирения. Ярость безумная. Что думает собака, как растёт сосна, где живёт ёжик - нас окружают стенами выдуманной, очеловеченной природы, нас кутают в смирительную рубашку омерзительных призраков сентиментальной выученной немощи.

Но я вижу иначе. Собака - у неё возмущённая шерсть, отражённое солнце в глазах, хвост устремлён к северному ветру, взгляд напивается сосновой хвоей. Сосна - у неё влажный нос, вздымаются бока, хвост на грани взмаха, глаза лукавые. Я вижу это всё иначе. Я сливаюсь с тем,

что вижу, и в этом суть момента. Я не живу, и в этом жизнь, я не дышу, и в этом мое дыхание. А как можно иначе? Лёгкая улыбка, сорвавшаяся с глаз – она проникает как дым костра - очистительно и больно.

Мы будем, мы станем, нас много, нас мало, их надо, семь на восемь, почему так сложно, а что - разве нет? Нет. По-моему - нет. Мы следим. Мы всегда следим, и наши следы зловонны, их вонь догоняет нас и обволакивает. Крик мгновенен, но запах его ещё долго будоражит гнилой мозг; переживание умерло, не родившись - зачем им оно - у них есть их вонь. И с них достаточно. Пусть воняют. А я буду переживать. Мысль, если она родилась в сладострастии переживания - должна прожить свою жизнь скромно и со вкусом и умереть, раствориться, и если жизни ей отпущено - миг, то и пусть будет миг, если будет день - то пусть будет день - умрёт она и следа не оставит во мне, и не заслонит собою путь другим, не встанет мавзолеем, не завяжется узлом.

«Эта искра не довольствуется ни отцом, ни сыном, ни святым духом, ни троицей, пока из всех трёх лиц каждое заключено в своей свойственности. Воистину говорю, свет этот не удовлетворяется плодоносной врождённостью божественного естества. Скажу я и более, что звучать будет ещё диковиннее: клянусь я благою истиной, что свету этому не довольно простой неподвижности божественной сущности, ничего не отдающей и ничего в себя не вбирающей; и ещё более: свет жаждет знать, откуда сущность эта приходит, он жаждет простого основания, безмолвной пустыни, где никогда не усмотришь никакого различия, где нет ни отца, ни сына, ни святого духа; во внутренних недрах, в ничьей обители - там свет сей находит удовлетворение, и там он более един, чем в себе самом; ибо основание здесь - просто покой, в самом себе неподвижный. Тем самым очищенный, просветлённый дух погружается в божественную тьму, в молчание и в непостижимое и невыразимое единение; и в погружении этом утрачивает всё схожее и несхожее, и в бездне этой теряет дух сам себя и ничего более не знает ни о Боге, ни о себе самом, ни о схожем, ни о несхожем, ни о ничто; ибо отныне погрузился он в Божественное единство и утратил все различения».

Мне говорят - ты подонок, ты мразь, тебя надо раздавить, разрезать, ты – угроза всем нам, твои мысли прокляты, твои чувства извращённые, а мне остаётся только понимать - пропасть между нами бездонна.

Прекрасное предвечернее небо, густые облака, свежие хвойные заросли, снег на опавших листьях. Ты сейчас - это такая же красота, о которой можно мечтать, которую можно иногда увидеть, почувствовать, но с которой нельзя слиться. Как лес - я запрокинул голову и тону среди деревьев, кустов и мха, но я даже не прикасаюсь к лесу. Ты как гора - я стою на её камнях и чувствую вкус ветра и пыли, но я отделён от неё, я даже не прикасаюсь к ней. Ты сейчас для меня и море, и гора, и лес, это всё ты - маленькая такая девчонка, с которой мы разделены эпохами.

И на засохшей ветке есть цветы.

В шуме ручья, в грохоте вагонов, в шелесте листьев нет-нет, да и пробьётся удивительная мелодия неведомых инструментов - без мотива, без привычных человеку атрибутов. Но есть и другая мелодия - совокупность моментальных переживаний, не отягощённых ничем слишком человеческим, которые иногда складываются в грандиозную, почти непереносимую мелодию судьбы. Кто слышал её звуки, тот знает - нет более грандиозного хора, исполняемого мириадноголосым миром; тот чувствует - здесь он соприкасается с сокровеннейшей тайной - он берёт в руки сердце мира.

Иногда кажется, что меня нет. Ну то есть совсем нет. Мне чудится, что лёгкий порыв ветра может развеять пыль моего существа, и как ребёнок смахивает ногой листву с тротуара - так будет сметено и то, что называлось мною. И я вернусь в то, из чего был создан - в землю, в ветер, в снег, в любопытство. Перед моими глазами назойливо всплывает такая картина - будто в далёкой хижине в горах вне времени пребывают в глубине своих сердец старики, чей удел - непостижим, и пришла им фантазия соединить неведомые потоки сознания и создать живое существо, наделив его всем, что даёт возможность сказать человеку, что он существует. Каждый наделил эту игрушку тем, чем смог - ощущениями, впечатлениями, воспоминаниями, мыслями, любовью - каждый дал что-то, и возник человек. Останется ли что-то, когда их фантазия прекратится и интерес к игрушке исчерпается? Потоки вернуться обратно, и я просто в этот момент исчезну? Мне кажется, что они дают мне шанс самому решить этот вопрос - буду ли я достаточно интересен для них? Сумею ли захватить их силой своей искренности?

Когда я слушаю Matia Bazaar, меня охватывает такая сладкая жажда

смерти. А может, это и не смерть вовсе? Может - это как раз жизнь? Сжмается сердце и я вижу отблеск солнца где-то глубоко внутри себя. Безотчётная любовь и смерть - они идут рука об руку к яростному всплеску счастья.

Наверное, я для кого-то даже смешон. Наверное, я кажусь им как искатель несуществующего средства от одиночества и тоски, как потребитель душ, и как сказать, как объяснить, что я хочу лишь показать - как близко, как рядом лежит Нечто...

Одна лошадь и один ёжик гуляли в тумане Кронштадта, и там на них был лишь один лист, и этот лист подлетал и улетал обратно подобно Луи-де-Бройлю моих детских снов - он словно дурная бесконечность Бердяева - как пенисоидный символ индусов, намекал на ненамекаемое, то есть, в общем, мягкотелость и жестокосердность были в этой безрадостной картине фибриллирующего листа. Потом я видел сон: толстый паук сидел, свесив ножки и перебирая ими струны своей паутинной арфы. К чему бы это? А пару месяцев назад я познакомился с девушкой, чьё лицо источало андрогинный привкус. Половое стерео. Хихикающая ехидна. Вкусный купорос. Так тот паук смеялся над нами, он смеялся над тем уродливым образованием, что человеки зовут совестью. Совесть - как древесный гриб - вроде гриб, а на самом деле - чистая целлюлоза. Она вроде бы часть психики, а на самом деле - просто целлюлоза. Сколько такой целлюлозы в моей личности? Вот о чём я думаю.

«А как тебя зовут» - спросил я её? И главное - куда? Ведь если зовут - так это обязательно куда-то. Что должен чувствовать человек, которого патетически призывают к смерти? Я помню снег, выскальзывающий из-под моих ног, накренившийся лёд, и внезапное твёрдое решение: если кошки меня не удержат, если ледобур сорвёт с ледяной плёнки, то я вцеплюсь в лёд зубами. И, подняв ледоруб как знамя, я шёл туда, куда меня никто не звал - и там я был счастлив, и там я был без имени и без судьбы. Океан цветущих гранатов в долине Цинандали. Прибой цветущей сакуры на склоне Фудзи - ползёт ли ещё та улитка, или уже доползла и на этом закончилась прекрасная эпоха мгновенных стихов и вечной любви?

Быть как поток, быть как ручей - просто течь.

Когда я смотрю на старика, который тащится по улице с грязным ведром в руках, в старых резиновых сапогах - несмотря на жару - я вижу в его глазах понимание того, что ничто уже не достижимо, ни одна цель уже не может проникнуть в его голову - нет ни сил, ни времени для её реализации. Нет ничего - только то, что есть сейчас - эта улица, эта обжигающая жара. Мир превратился в чистое и самодостаточное абсолютное добро и отражается в его голове, не оставляя следа - как луна в луже. В этом есть что-то такое, от чего мозг взрывается печалью и хочет остановиться. Совсем остановиться. Остановиться так, чтобы в нём остановился весь этот целлулоидный мир. И надо обязательно пережить это прямо сейчас - когда есть ещё силы, чтобы справиться, чтобы взорваться силой жизни, чтобы вынырнуть из ужаса безысходности.

Рискнуть жизнью - какая мелочь. Все вокруг только и делают это - как ещё можно назвать их бездарное прозябание. А вот рискнуть смертью - вот это да!

- Взрывы смеха, удары плетей, крики, жесты, разорванные облака, запах прелой травы - так я успокоил свой ум.

Когда нет музыки - тогда рождается мелодия пустоты, когда нет страсти - рождается страсть пустоты, когда нет ума - рождается ум пустоты. Когда все трое рождаются, они умирают, и рождается пустота. Когда рождается пустота, больше сказать нечего, потому что она заполняет всё и всему назначает смысл.

Когда сегодня утром я выходил из дома, я почувствовал запах - это был запах тени птицы, это был запах шелеста близстоящего дерева, это был запах трещины на асфальте.

Слепые видят только слепых, глухие слышат только глухих. Я, пожалуй, уже ничего не жду здесь. С каждым днём всё больше. Что-то по капле ускользает безвозвратно, и я это чувствую всем своим телом, всей душой - всем, что есть во мне. Да и нельзя же сверлить дыры в их глазах для того, чтобы они прозрели. Прозревают-то изнутри, так надо и приходить - изнутри, а это значит - изнутри себя, а это значит - надо уходить, чтобы прийти.

Состояние ума, не пребывающего где-либо. Состояние ума, при котором мысль не рождается, чистая поверхность океана, проявленная глубина. Брошенный камень немедленно погружается и исчезает, а

воды лишь схлопываются над ним, и волн нет. Лицо человека, склонившегося над водой, встречает только своё отражение, за которым просвечивает бездонная глубь.

Я пробую искать необычные переживания. Например, представить себе, что сейчас меня убьют, и пережить охватывающий при этом холод, а редколесье, которое должно принять моё тело, приобретает оттенок непередаваемого аромата вечности. Есть ли в этом простая необузданность потребительской фантазии? Не думаю. Скорее это способ задеть новые струны мироощущения, уйти от стереотипов восприятия. Чувства становятся свежее и прозрачнее - сквозь них начинаю видеть стального цвета безвременный стержень бытия. Или вообразить, что я сижу под деревом в окружении пустоты - при этом уходит всякая ложная ответственность, а может даже и наступает перекристаллизация сознания. Некоторые совокупности переживаний словно бы сдвигают восприятие в неведомую плоскость. Искусство составления таких совокупностей безусловно является величайшим искусством, а с другой стороны - может в этом и есть суть любого искусства. Конечно, каждый находит это для себя, и тем удивительнее, что иногда находят разные способы выразить тот же эффект, будь то взрыв цветных капель или стайка слов, складывающихся в хокку. Ряд образов - и взрыв сдвига в инопереживание. Насколько разнообразны те миры, куда уходит моё восприятие? В них, безусловно, есть по крайней мере одно общее - это само восхищение от того, что я воспринимаю мир иначе. Привычка к сдвигу восприятия подготавливает к тому, что я нахожу путь к тому, которое мне наиболее свойственно.

Шум, мешающий сосредоточению и погружению в себя - он слышен только тогда, когда ум отягощён мыслью. Когда ум становится тем, что он есть в своей природе до возникновения мыслей - помех нет. Сама помеха - это нечто, что встает посреди потока и препятствует ему. Если потока нет, помехи тоже нет. Когда нет потока, нет и помех, тогда нет и отсутствия потока и нет отсутствия помех. Именно тогда и осуществляется поток пустоты. Почему я сейчас не в нём? Вот единственный вопрос, который я хочу себе задавать тогда, когда вообще есть вопросы.

Когда сегодня утром я выходил из дома, я почувствовал некий запах - это был запах смерти.

Что поражает меня в самое сердце - это мимолётность всего происходящего. Ничто не прочно в моём мире. А в мире тех людей, где всё прочно и устойчиво и заранее определено и связано чувством долга или страха - там ещё хуже. Там вообще гнилость. Открытость сердца к открытым сердцам порождает изумительный всплеск любви - он безумен в том смысле, что не принимает в расчёт ничего, даже самого себя. Этот всплеск преданности безвременен в том смысле, что каждый миг он возрождается заново и нигде больше не пребывает - ни в прошлом, ни в будущем, ни даже в настоящем - междувременье, отсутствие протяжённости. Когда ситуация завершилась, и события недавнего вечера покрылись слоем лёгкой пыли, тогда новый мир предстаёт перед глазами, но в нём уже нет двух сердец, есть только нежный слой воспоминаний - как полоса тумана, которая неизбежно рассеивается встающим солнцем. И смерть, и жизнь сливаются в моменте неизбежного расставания - и смерть, и жизнь находят здесь нейтральную полосу, где заключают мир на пролившейся крови чувств, и они соединяются над нашими руками, и наши взгляды переплетаются в мрачном свете очаровательных сполохов зари. Это заря нового человечества, это буря перемен в пространстве и времени, но каждая вовлечённая песчинка стонет и скрипит в жерновах времени. Есть среди этого круга ветхая хижина, где пребывают замшелые старики - их бороды - струи вечности, и их сердце отрешено. Но я не хочу этого. Я лучше войду в глаз циклона и дождусь, когда меня разнесёт в клочья и разметает над океаном - по крайней мере, так моя душа станет свободной и вернётся к истокам.

Я никогда не читаю того, что пишу.

Вокруг на сотни километров белый снег, белое небо, белые вершины - завывающий ветер обнажает скалы и вновь запорашивает их. Я один среди этой ужасающей вечности, и не сделаешь ни шагу навстречу любимому человеку - глубокие сугробы поглотят любое усилие. Ужас. Очистительный ужас. Я принимаю его с благодарностью. Я знаю, что он выметет жёсткой метлой всё мелочное, всё наносное, и останется только яростная потребность в любви, жестокая страсть, ввинчивающая в себя всё мое тело, всю мою душу, и когда этот тайфун будет подхвачен и унесён в небо над высокими пиками гор, тогда наступит кристальная чистота, сквозь которую видно то, что непостижимо ни рассудку,

ни уму, ни сердцу. Нота свирепая ветра осеннего. Я не забуду тебя, пока жив. Волны в глазах. Обрывки фраз. Озноб. Сердцебиение. Кулаки сжаты. Взгляд пронизывает всё, и даже пустота - не препятствие для него.

Мне тридцать. У меня уже есть седые волосы. Я смотрю на них и понимаю - искренние переживания не проходят даром. Когда-нибудь запас прочности кончится. Когда-нибудь я оставлю эту землю, и тех людей, которых люблю, и этих животных, эти горы с их бескрайним ужасом, это море с его высокими водами. Я уйду, и они уйдут, и где мы все встретимся? Где найдёмся? Любимая - где мы найдёмся?

Занятия, которые мы находим для себя - я помню те времена, когда я действительно интересовался чем-то. Меня интересовало изучение языков, математики, физики, я искал что-то в психологических этюдах и философии неоплатоников, я пережёвывал истории людей, мне незнакомых и далёких, я плакал над горем литературных персонажей и был счастлив, когда у них всё получалось. И я знаю множество людей, которые делали это всё до меня и делают это и поныне. Я не беру в расчёт тех, кто делает это по необходимости, кто делает из этого профессию. Я хочу соприкоснуться с теми, кто находит в этом отдохновение. И я не понимаю. Ведь если честно взглянуть на эти занятия, то они обращаются в прах. Персонажи вымышлены или нет - это всё же только персонажи. Наука - это всего лишь наука. Всё ограничено самим предметом своего изучения. Любая деятельность ограничена самим своим предметом. И рано или поздно наступает обнищание души, если надо всем этим нет главного. Конечно, можно до бесконечности культивировать и поддерживать свои интересы, но когда снова выносит на самую верхушку гребня, и когда я снова подвержен всем ветрам, я снова понимаю - для чего я существую, а что - сиюминутное и призрачное. Может, я просто больной? Но нет, я вижу все этапы своего пути и вижу, что всё было честно, и что нет другого исхода, и что пришлось бы снова пройти всё это, если начать с начала. Если это болезнь - пусть это называется так. Значит, я люблю ТАК болеть. Значит нечего оглядываться. Значит нужно вновь вставать и идти. Навстречу себе. На встречу в никуда с никем.

Я всегда хотел любить. Это правда, как я её ни стеснялся в детстве, и как я её ни скрываю от посторонних глаз сейчас. Я всегда хотел любить.

И всегда шёл навстречу этому. Может ли кто сказать про себя то же? Я хотел бы посмотреть на такого человека. Мне отвратительны построения тех теоретиков, которые готовы всё свести к убогому комплексу самосохранения. Всегда найдётся доброхот, который с легкостью объяснит мою потребность любить к простой потребности к любви к самому себе, к накоплению внимания, обращённого на меня, к товарообороту, где главный капитал - это внимание и чувство собственного достоинства. И чёрт с ними, и пусть объясняют, как им угодно.

Ну и кто будет читать это? Кто, кроме меня? Я, правда, сам не читаю то, что пишу, так значит - не будет читать никто? Зачем тогда пишу? Надежда на то, что лист бумаги всё же дойдёт до своего адресата, жалкая надежда на то, что бездонная пропасть может быть пересечена листком бумаги, который, подхваченный ветром событий, не спеша пересечёт немыслимые пространства и попадет прямо в ТЕ руки, прямо перед ТЕМИ глазами, и станет доступен ТОМУ сердцу.

Она в детстве купалась и внезапно под ногами ощутила склизкий кусок бревна. С тех пор она хоть и не боится плавать, но боится дна. Попробуй постичь эту простую историю, попробуй прочесть её ещё раз, пережить её, и ты увидишь, что непостижимая сила событий пронизывает нашу жизнь и уносится прочь, и кто посмеет встать на пути этого потока? А кто посмеет доверчиво отдаться ему и быть унесённым им? Мы скромно складываем крылья за спиной, и в них уже не может подуть ветер, который не позволил бы нам устоять на земле. Как удержаться, когда налетает этот ветер? Покажите мне того, кто смог бы удержаться, даже зная, что впереди - нечто непередаваемое, немыслимое, несуществующее. Когда ветер в крыльях - остаётся только лететь. Простая история, которая случилась с маленькой девочкой - знала ли она тогда, что эта история станет её сопровождать всю жизнь, как злая дворовая собака? Чувствуем ли мы, когда с нами происходит история, которая окажет непонятное, но неизбежное влияние на всю нашу жизнь? Иногда вдруг случайный взгляд, неторопливое слово, почти утомительная встреча, почти незаметная заминка - и вдруг понимаешь - произошло НЕЧТО. Никаких атрибутов больше нет. До какой глубины ни загляни - ничего не увидишь, и всё же знаешь - ЭТО произошло. Это тайна. Настоящая тайна, и приблизиться к ней - бррр, стынет кровь и сдавливают

дыхание.

Меня становится два, когда я в горах - я и гора, гора - которая становится мною. Меня становится два, когда во мне борется жажда жизни и влечение к смерти - они ведут диалог, как я и я. Меня становится два, когда я люблю - я тот, который любит, и та, которую я люблю.

Есть слабость, которая не является самоцелью, которая является слабостью лишь постольку, поскольку чуждается силы как элемента, затемняющего прозрачность восприятия - эта слабость ничего не отдает, ничего не теряет, эта слабость - сила гибкости упругой ветви. Это слабость - это гибкая сторона силы. У меня разные мысли рождаются, когда я просто смотрю на тебя. Я бы сгноил их - они неконструктивны и смутны, но хочется сказать вслух. Я не то, чтобы излагаю - я живу в словах, когда говорю их той, кто мне приятна.

Всё непонятое дает двусмысленные всходы. Всё двусмысленное дает многозначность, всё многозначное дает симфоничность, симфоничность приводит к гармоничности, к проникновению, к растворению, к исчезновению - ничто не вечно настолько, насколько то, что исчезло.

Наступает время, когда сны становятся глубокими, грандиозными в своей многозначительности, когда, просыпаясь, знаешь - это была настоящая реальность, а та псевдореальность, которая раньше считалась таковой - ну что ж, и в ней тоже есть доля истины, но и доля мусора настолько велика, что... В качестве двигателя можно использовать различное топливо. Во всяком случае, чтобы сдвинуться с места, все средства хороши - и сексуальный напор, и муки одиночества, но для настоящего прыжка вперёд нужна энергия любви и преданности. Как честный экспериментатор, как человек, который без сожаления выбрасывает на свалку всё ненастоящее, который безжалостно приносит мучения и себе, и даже другим в своей агонии поиска истины, я свидетельствую - любовь - это самое поразительное из того, с чем я сталкивался. Когда происходит прорыв, а он происходит однажды, - тогда и внимание становится близким другом любви, и всё мое существо дрожит и вибрирует в предвкушении новой жизни, и сны становятся частью реальности. Конечно, я имею в виду именно ту любовь, которая так отличается от любви обычной - любви-собственности. Как инженер своей души,

я говорю себе – именно этот двигатель я беру для своей машины. Как ищущий насыщенность, я вижу, что необычайная глубина идёт мне навстречу. Как простой человек я чувствую – в этом моя реализация, в этом моё счастье.

Я могу видеть многое и вижу многое, но я просто не смотрю туда – в будущее, в то – как и что будет. Ведь я не бог, я всего лишь дитя, только-только рожденное в пустоте. И мне трудно сохранять нейтральность к тому, что я вижу, и часто мне кажется, что я не могу препятствовать своему интеллекту, своему дурацкому человеческому инстинкту «сделать всё как лучше», и вмешиваюсь в тайная тайных, нарушая поток. Поэтому я выбрал отложить свое видение до тех пор, когда буду абсолютно уверен, что не пытаюсь что-то сделать с увиденным, иначе всё теряется, опошляется, и из событий уходит тайна неслучайности.

Откашлявшись, я поднялся с земли и, завернувшись в куртку, побрёл к опушке леса. Трава с голубым отливом, деревья, растущие вверх корнями, озеро, навалившееся на меня своим тяжёлым берегом – всё провожало, скрипело, завывало и плескалось. Жизнь была через край, мир множился, сердце болело. Надо сделать один шаг. Надо сделать только один шаг. Не знаю – куда, но знаю, что в любом случае надо. Самый важный шаг нельзя сделать «куда-то». Его надо делать «как-то». Если этот шаг – куда-то, то это заведомо не туда. Я повторял эти слова как заклинание, как приманку. Шаг не может быть сделан куда-то. Шаг должен быть сделан. Просто сделан. Я люблю простые слова, я ценю простые чувства, я вижу изначальную простоту любви, и теперь мне надо сделать усилие и научиться делать простые шаги, ведь именно их делать сложнее всего.

Впервые идея об этом родилась у меня очень давно, когда она была всего лишь розовой сказкой, и там я был скорее испытуемым, чем испытателем. Годы шли, сказка оставалась сказкой, и настал момент, когда я уже не мог рассматривать себя как пассивного участника воображаемых мною событий. А потом была долгая и неинтересная будничная жизнь, во многом подавившая мою самобытность. Но в один прекрасный момент моя старая, уже умершая мечта родилась вновь в новом обличье, она заслонила мне глаза, и я уже не мог думать ни о чем другом.

Так, между завтраком и обедом, я принял решение построить но-

вый мир. Эмоция - вещь, имеющая протяжённость во времени, а переживание всегда ментально, оно всегда живет только здесь и сейчас. Переживание - это точка с нулевой протяжённостью, хотя и кажется, что оно длится, потому что одна точка порождает следующую. Это - катарсис в образе электромагнитной порождающей себя волны. Как мощь боевого кинжала сосредоточена в его острие - в точке, не имеющей протяжения, так и мощь переживания сосредоточена в мгновении - там, где нет ни прошлого, ни будущего.

Перед лицом какой-то дурной вечности - это всё суета. Всё равно рано или поздно - сегодня, завтра, послезавтра, - придёт тихо сесть наедине с собой и понять - вот теперь я буду сидеть и считать не часы, а минуты. И тогда очень скоро всё кончится. Есть предел всему.

Если не привязываться к конкретному моменту жизни, тогда эмоции уступают место переживаниям - ведь эмоции это всегда следствие, это всегда продукт осознания переживаний, даже если это и происходит незаметно. А вот чистое переживание разительно отличается от эмоций - это самая суть жизни, и от практики чистого переживания до начала путешествия в глубину - один шаг. Переход к чистому переживанию - это ощущается, как будто внезапно захватывает дух, и ты проваливаешься в область какой-то особенной глубины и особой, невероятно насыщенной полнотой жизни. Главное качество этого переживания - полнота. Ты захлёбываешься ощущением полноты, ты чувствуешь, что это и есть предельная реализация. Мир раскрывает свою невероятную глубину.

Есть шанс, который заключён в безответной любви. Его можно взять тогда, когда идёшь навстречу переживаниям без страха и упрека. На самом дне отчаяния лежит великий клад, и доступен он только сильным и страстным людям, которые способны так глубоко за ним спуститься. Это - для сильных людей, но с другой стороны именно в этом и растёт сила.

Когда я слышу девичий крик на улице - далеко, едва слышно, неясно - то ли это крик баловства, то ли призыва - мне всегда кажется, что зовут именно меня, что это у кого-то просто больше нет сил терпеть, и вот она вышла на улицу и просто кричит, и надеется, что я услышу. И я приглушаю музыку и мысли, замирая внутри, и вслушиваюсь, и жду, и

хочется быстро выбежать на улицу и закричать в ответ - я здесь!

Горы отняли у меня воздух, любовь отняла у меня землю, люди отняли у меня веру, боль отняла у меня надежду. Когда разжимаешь кулак в бессилии, и когда всё, что ты держишь, выскользывает из рук, и ты видишь, что всё потеряно, но если при этом ты сохраняешь надежду и внимательность, тогда руки вновь могут ощутить зарождающуюся реальность, всё потерянное вновь может ожить новой жизнью. Есть нечто, что нельзя потерять, но каждый раз, теряя, я забываю об этом. И каждый раз вспоминаю, обнаружив себя вновь на этой земле.

Я заметил, что Акутагава, когда хотел выразить невыразимую слитность событий, использовал частицу «-но»: «Ару сигурэ-но фуру бан-но кото дэс». Я же, смотря на написанное мною, вижу, что эксплуатирую союз «и», а также часто пренебрегаю запятыми - непрерывность дорожке синтаксиса. Чем дальше, тем больше мне мешают запятые, когда они не являются выражением естественной паузы.

- В первый же раз я мог сразу отвернуться и уйти. И ничего бы этого не было. Была бы просто глухая тоска по несовершенному, как предательство самого себя, но это было бы наверное не так больно. Но этот выбор не для меня. А вот этот - тот, что я всё же сделал, - он, видимо, для меня.

Когда я сижу в лесу у костра, когда я прихожу туда с палаткой на пару дней, или пару часов, чтобы посидеть под шелестящими и скрипящими деревьями и почитать книгу, или подумать в спокойном уединении о своей жизни, когда мои мысли сосредоточены и не возвращаются в город к заботам - в такие моменты я собран, я чувствую, как пахнет землёй ветер, как напряжённо выпрямились сосны и как стремительно стелется мох, и свежесть извне становится свежестью изнутри. Когда я возвращаюсь, я приношу это с собой. Я не хочу чувствовать ничего своим, и поэтому там, где другие не могут ни на минуту вырваться из суеты, я чувствую себя как путешественник у костра - свободный, собранный, полный свежести, отрешённый.

Ряд имён любимых девочек, которые всегда остаются близки мне, этот гипнотический ряд слов, напоминающих о главных моментах, произнося которые я замираю, и жаркая изморозь кипит во мне - я чувствую себя подлинного, я вижу бесконечную череду будущих откоро-

вений, я слышу громовое молчание, идущее от сердца к сердцу через время, я сплочён хрустальной тишиной кровавого цвета.

Иногда, когда я просыпаюсь, от сна остаётся странное ощущение, и если не касаться руками головы, не двигаться некоторое время и отдаться полусонной дремоте, то можно позволить этому ощущению проявиться несколько отчетливее. Оно не связано, как кажется, ни с сюжетом сна, ни с чем-то другим - оно странное, приходящее из самой глубины, и переживается несколько тревожно, ведь оно слишком непохоже на всё, с чем приходилось сталкиваться в реальности бодрствования или в реальности сна. Оно, кажется, исходит из самой глубины. Грозное ощущение - пугающее и привлекательное одновременно. Пугающее потому, что несёт в себе угрозу для всего, что вне его - чем сильнее ощущение индивидуальности, тем более плоской тенью кажется всё остальное. Привлекательное потому, что туда лежит моя дорога, потому что это – проникновение к прямому переживанию пустоты, которая всё наполняет.

Одинокий странник в мирах разделённости ищет единственный путь и находит его везде, куда он приходит с искренностью и преданностью.

Считается, что живой человек живёт чувством. На самом деле чувство живёт живым человеком. Считается, что воин и странник должен быть сильным. На самом деле сила требует странника на свой стол - ей нужна пища. Сила, чувства - они хотят жить, и им нужна для этого пища. Но я не склонен к самопожертвованию - я вылезая из тарелки, я оставляю там свою одежду и ухожу. Пусть ветер заполнит пустоты в моей психике, выжранные важностью и глупостью, пусть он сотрёт даже моё имя, начерченное на песке, и тогда сила не найдет меня. Я учусь играть в прятки. Я снова ребёнок. Я пускаю пузыри, таращусь на солнце и шевелю пальчиками в талой воде. Её зеркальная журчащая гладь говорит что-то, но мне не надо это слушать – мне достаточно согласиться это принять, и вот оно уже во мне.

Ярость - вот мой верный друг. Я не понимаю безнадежно вежливых людей, которые строят свои отношения с другими так, как относится к еде шакал - хоть протухшее, но мясо. Не принимаю вежливости ради вежливости, общения ради общения. Я могу быть грубым, я могу быть

нежным, я могу быть яростным, когда ярость направлена на разбивание стены между собой и своей же глупостью. Куда подевались яростные люди? Где твои яйца? Где твои когти? Ярость - это не агрессия, это не ненависть и раздражение, ярость несовместна со всем этим мусором. Ненависть, агрессия, раздражение - это чувства разрушающие, они ослабляют, делают беспомощными, потому что являются оборотной стороной жажды обладания, выражают потребительские претензии к миру. Если мир не таков, как я хочу - это делает глупца раздражительным или агрессивным. Ярость - иное. Ярость - это сверхчеловеческое напряжение всех своих сил в попытке прорвать пелену, это стремление к свету, к яркости. Ярость - яркое чувство. Ярость - это последний отчаянный бросок в полном напряжении сил любви и нежности. Не может быть по-настоящему яростен тот, кто не может быть бесконечно нежен; не может быть яростен тот, кто не готов бороться до конца, даже когда уже совсем нет шансов. Не может быть яростен тот, кто не ищет близкого взгляда. Ярость - это чувство, на которое способен только тот, кто устремлён, кто всю душу свою вкладывает в способность любви и потребность любить - всё остальное слишком мелко, чтобы вызвать ярость, а мелочный не может быть яростным. Не может быть яростным тот, кто не может быть сосредоточен. Ярость нерассудительна, именно поэтому она и способна вырвать меня за пределы моей смерти. Яростный будда. Ярость съедает с потрохами всё пустое и призрачное - яростному человеку не до вежливости и приличий - он грызёт зубами стену - какие уж тут приличия! Ярость не может быть направлена на что-то пустое и выдуманное - она просто отвернётся и уйдет. Ярость сама по себе избирательна, и именно поэтому она не может быть направлена на другого человека - она может быть направлена только на себя.

Есть среди этого круга ветхая хижина, где пребывают замшелые старики - их бороды - струи вечности, и их сердце отрешено. Молодость благословенна к ним, ведь старость не может подступиться к безупречности их простоты, ей не доступно состарить то, что не цепляется за фальшивое. Энергия не может покинуть их, потому что они перестали ставить в себе стены на её пути. Сила не может изменить им, ведь они сами давно отреклись от неё, предавшись в руки безбрежной слабости быть унесённым потоком, и тем самым слившись с величайшей силой.

Когда человек отдал всё - он становится неуязвим, как неуязвима роща, как неуязвимы луговые цветы. Перед этим фактом рушатся горы и рассыпаются тысячелетние скалы.

Небесно-голубые просторы земли Бодхи - что ещё нужно?

Вот странно - я ем и пью, а жизнь всё равно уходит из меня, освобождая место для большего, для главного. Что останется после меня?

Цветы - весной,

Кукушка - летом,

Чистый и холодный снег - зимой.

Но не только это. Останется главное - то, что рождается, когда индивидуальность переплавляется в эволюционирующее нечто.

Естественная анестезия - безмятежная холодная пустыня - она есть внутри каждого по-настоящему живого человека, и когда мучения становятся невыносимы, душа сама находит путь и скользит по направлению к холодному безмолвию. Погружаясь туда, испытываешь почти блаженство - боли нет, ничего нет. Почти блаженство. Пустое, хрустальное, но почти счастье. Звенящее ничто. И только вот это «почти» остается единственным облачком на безмятежном небосводе. Могу ли я смириться с этим «почти»?

Вокруг призраки, призраки.... Все трясется от страха того, что если сделать шаг в сторону, то их ждёт неизвестность, и в итоге все сидят по своим лужам, пялясь в своё мелкое и грязное отражение. Человек может думать, что он строит мостик между старой жизнью и новой, но эта пропасть не преодолевается мостиками, любой мостик закольцован и ведёт обратно, и он никогда не бывает достроен - пропасть слишком широка между известным и неизвестным - это просто разные способы жить. Пропасть преодолевается только прыжком - прыжком отчаянным, безнадёжным. Кто скажет - я готов? Кто из сказавших прыгнет? Каждый прыгнувший достигает - но этого не знаешь, пока не прыгнешь. Вернуться я уже не могу, куда там... в тюрьму по доброй воле... поэтому чувствую, как медленно, но верно ухожу - все дальше и дальше. То, что меня волнует, те горизонты, которые передо мной - их даже показать уже некому, ведь чтобы их увидеть, надо по крайней мере поднять глаза и выпустить из поля зрения тротуар с бордюриками. С каждым часом я безнадежно удаляюсь - только любовь может построить немыслимую

связь через немислимые пропасти, поэтому я верю только в любовь с первого взгляда и без оглядки, но с трезвостью и решимостью созидания себя.

Когда я смотрел в её глаза, что же там было на самом деле? Может, её глаза были просто зеркалом, глядя в которое я видел лишь отражение? А как же своё, разве оно не рвется наружу, разве не срывает зеркальные покровы?

Где тонко, там НЕ рвётся, если только это - тонкое чувство пронзительной любви.

Не люблю сводить чувство к пониманию. Ведь понимание сужает, обрезает и конкретизирует. Так или иначе, понимание отбрасывает весь мир ради самого себя. А чувство - наоборот - оно несёт в себе весь мир, отрекаясь от частности. Все вещи появляются из неведомой бездны, и через каждую можно заглянуть в эту бездну. Я предпочитаю смотреть в бездну сквозь любовь. Когда чувство достигает высшей точки, то замолкаешь, и оказывается, что есть ещё выше, и ещё, и еще...

«Спросят - скажешь.

Не спросят - не скажешь.

Что в душе твоей сокрыто,

Благородный Бодхидхарма?»